

Катерина Файн
ВЕНЕЦИЯ

*«Венеция – вечная вдохновительница наших успокоений...»
/надпись на могиле Дягилева/*

Сложно писать о Венеции после Бродского, Блока, Муратова, после великих русских путешественников – художников, поэтов, музыкантов, – которые, кстати, не всегда объективно и лестно отзывались об этом городе, попадая туда в разное время года, но, так или иначе, всенепременнейше касались его гениальной, почти запредельной жизни. Поэтому развернутого эссе у меня не получится. Впрочем, у каждого она своя – вечная вдохновительница.

Первое, что изумляет странника – количество воды. Оно превышает все привычные, допустимые глазу нормы; ее не просто много, она *езде*, и, кажется, живет своей отдельной, обособленной жизнью. Когда ты плывешь в гондоле, это чувство особенно остро: одно неверное движение – и ты во власти стихии. Но так было только вначале. Постепенно привыкаешь к легким волнам, к медленной *barcauoli* – старинной песне гондольеров, и путешествие по каналам становится обычным, приятным и неопасным. Ты принимаешь правила игры, потому что Венеция – это игра, начиная от площади Сан-Марко и заканчивая последней бельевой веревкой, висящей в глухом переулке...

Здесь все по порядку – рассчитано и пронумеровано, как в музее. Хотя, чему удивляться – Венеция и есть музей, а гондольеры в соломенных шляпах – его бессменные экскурсоводы.

Мне кажется, этот город я любила всегда – с детства, когда изучала великих итальянцев в «Эрмитаже», когда читала о нем в журналах, когда слушала чьи-то рассказы. Сказочный и парящий, игрушечный и реальный, теперь я видела его своими глазами – с колоннады Собора, с главной городской площади, с проплывающего мимо нее *vaporetto*...

Вдруг промелькнуло: дома по колено в воде, их пяток никто никогда не видел... Ветра Адриатики вечны, как эта вода... Они разметают листья *Parco delle Rimembranze* и забираются под воротник путника так же, как балтийские в Летнем... С этой точки зрения, *Genius loci* двух городов схож максимально. Сырость Венеции и Петербурга манит людей со всего света, но последний на десять веков моложе и прекрасно мною изучен.
...И я постигаю Венецию – город мечты и таланта, ярких эмоций и терпкого вина на губах Коломбины.

Иногда мне кажется, что мостов здесь столько же, сколько церквей, а церквей столько же, сколько каналов. Мосты, отражаясь в воде, образуют круг. Круг замыкается, Венеция – остров. Я гуляю с утра до вечера, проходя незнакомые улицы, где двое прохожих даже не пытаются взяться за руки, а только ступают вослед... Дом Казановы, Палаццо Дукале, церковь, где когда-то крестили Вивальди – голова кружится от имен и событий... А стены все помнят, и невозможно среди них заблудиться, ибо все дороги ведут в Храм...

У башни Сан-Марко, соединяющей Венецию с небом, загадываю желание... Я снова хочу сюда, в этот город-оркестр, где голуби стай толпятся у входа в Собор, где мокро и холодно осенью, где звон колокольный разносится гулко по всей лагуне, а лев с распростертыми крыльями – вечный хранитель Венеции – мне, чужеземному страннику, так улыбается...